

Вместо вступления – Особые пути России и Германии*

XX столетие, окончившееся в Европе победоносным шествием либерально-демократических идей, начиналось с бунта против плюралистически устроенных обществ и отстаиваемых ими ценностей. В своем радикализме бунт этот превзошел все предшествующие волнения подобного рода. Германия и Россия образовали центр этого восстания против ценностей, которые принято ассоциировать с Западом. Конечно, необходимо иметь в виду, что этот бунт в Германии, с одной стороны, и в России с другой вдохновлялся диаметрально противоположными идеями. В Германии антизападное восстание было направлено в первую очередь против идеалов Французской революции, против так называемых «идей 1789 года». Этим идеалам противопоставил дух лета 1914 года – начала Первой мировой войны. Казалось, что Германии удалось создать некую альтернативу западной модели: ею стало обновленное военной эйфорией 1914 года немецкое общество. В своем патриотическом воодушевлении немцы, словно бы преодолели все политические, конфессиональные, социальные и региональные конфликты. Расколотая прежде нация объединилась. Она более «не знала никаких партий».

Несмотря на то, что Германия была частью западного мира, радикальная критика многих конститутивных для этого мира ценностей являлась традиционным элементом немецкой культурной истории. Еще Федор Достоевский назвал Германию «страной протестующей». В «Дневнике писателя» за май-июнь 1877 г. он писал:

«Характернейшая ... черта этого великого, гордого, особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться в призвании своем ... с крайне-западным миром, т.е. со всеми преемниками древне-римского призвания. Он *протестовал* против этого мира все две тысячи лет, и хоть и не представил ... Своего Слова ... взамен древнеримской идеи, но кажется всегда был убежден, что в состоянии представить это Новое Слово»¹

Антрополог Гельмут Плесснер объяснял немецкий протест против Запада, достигший своей первой кульминации в 1914 году, среди прочего тем, что Германия «упустила» из-за опустошительной Тридцатилетней войны XVII век, эпоху, когда началось победное шествие просвещения и политического гуманизма. В немалой степени это «упущение» было виной тому, что Германия оказалась

* Сокращенная немецкая версия этого сборника статей была опубликована в кёльнском издательстве Бёлау (Luks Leonid. *Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen.* Köln: Böhlau Verlag, 2007).

Автор выражает благодарность издательству Бёлау за разрешение на публикацию расширенной русской версии этого сборника.

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Умса-Press Paris. С. 209-210.

«опоздавшей» нацией превратившись в противника Запада и сформировавших Запад идей.²

Иначе обстояло дело в начале XX века в России. Здесь отталкивание от Запада вдохновлялось западными же идеями, прежде всего идеями 1789 года. В 1917 году казалось, что России суждено стать новым прибежищем идеалов 1789 года, которые якобы предала западная буржуазия.

Во второй половине XIX и в начале XX веков Россия относилась к тем сравнительно немногим европейским странам, где непрерывно усиливались социальные конфликты. В Западной и в Центральной Европе они, напротив, утихали. Революционная эпоха там закончилась после неудавшейся революции 1848 года. Западные правительства, до 1848 года одержимые постоянным страхом перед призраком революции, теперь могли, наконец, вздохнуть спокойно. После событий 1848-49 годов в западном мире усилился процесс общественной интеграции и консолидации. При этом национализм служил объединяющей идеей, успешно отвлекавшей все более широкие слои общества от внутренних конфликтов.

Какой контраст с Россией! 1848 год практически не затронул страну, поэтому здесь не наступило и разочарование в революционной идее. В то время, как на Западе многие из прежних радикалов, стали все больше склоняться к национальной идее, в России становился все привлекательней революционный идеал. Любая критика этого идеала воспринималась радикально настроенной частью российских образованных кругов как предательство, писал в 1924 году русский философ Семен Франк. В предреволюционной России требовалось немалое гражданское мужество, чтобы открыто признаться в приверженности политике компромиссов.³ Как утверждает историк Теодор Шидер, бескомпромиссность и абсолютизм революционных убеждений русской интеллигенции на Западе были практически неизвестны.⁴

Тот факт, что после «неудавшейся революции» 1905 года впервые в истории России было введено разделение властей, что страна сделала громадный шаг к созданию правового государства, не произвел почти никакого впечатления на приверженцев радикальных социальных программ. Их интересовала не эволюция, а революция, решительное уничтожение старого общества, крах старого несовершенного мира и создание социального «рая на земле». В сторонниках либеральной модели, понимавших политику как искусство возможного, социальные утописты видели наиболее опасных врагов, куда опаснее консерваторов, защитников *Ancien régime*. Либералы старались смягчить классовые противоречия и приглушить народный гнев. Этим они, по мнению леворадикальных критиков либерализма, в первую очередь большевиков, лишь способствовали продлению жизни обреченного на гибель порядка. Большевики играли на глубоко укоренен-

² Plessner Helmuth. Die verspätete Nation. Stuttgart, 1974.

³ Франк Семен. Крушение кумиров. Berlin, 1924. С. 15-16.

⁴ Schieder Theodor. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. 2. Aufl., München, 1970. P. 11-57.

ном в народных слоях стремлении к социальной справедливости, прежде всего к социальному равенству. Российская этика – эгалитаристская и коллективистская, указывал в этой связи русский историк и публицист Георгий Федотов; из всех форм справедливости равенство стоит для русских на первом месте.⁵

Результатом восстаний против ассоциируемых с Западом идей было возникновение тоталитарных режимов в России и в Германии, а также «полутоталитарного» режима в Италии. Цели, которых эти режимы пытались достичь, были сформулированы еще некоторыми радикальными мыслителями XIX в., однако по характеру своему эти цели были совершенно утопическими. В XX в. выяснилось, однако, что эти утопии не столь далеки от жизни, как это представлялось вначале.

Тоталитарные режимы совершая беспримерные в истории преступления, действовали как бы от ее имени, считали, что они олицетворяют смысл истории, и что они являются победителями в исторической борьбе. Однако в середине XX века их победоносное шествие было приостановлено, а в конце столетия они потерпели полный крах. Анализу причин их успехов и поражений, их сходствам и различиям, а также их идеологическим истокам будут посвящены статьи данного сборника.

Так как статьи вошедшие в сборник публиковались ранее в разных изданиях независимо друг друга, они содержат иногда некоторые повторения, которых полностью избежать не удалось. Кроме того хочу подчеркнуть, что тексты сборника, это, как правило, эссе и зарисовки, которые не претендуют на то, чтобы полностью исчерпать заданные темы, а пытаются к ним лишь приблизиться.

⁵ Федотов Георгий. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 89.